

— Пошто так делаешь, — упрекнул старик. — Простудиться можешь, умереть.

— Э... умереть.

Глаза засверкали у Петьки.

— Да я такой сильный, такой крепкий от этого, что меня никакая болезнь не возьмет, будь она самая злющая. Во у меня какие мускулы.

Рукава засучил, мускулы показывая.

— Смотри, дедо.

Как мышонки бегали мускулы.

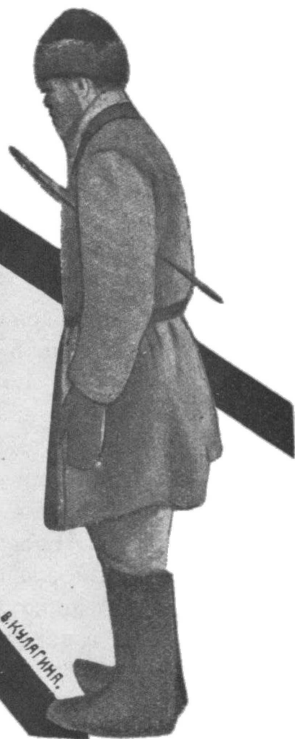
Отмахнулся старик от Петькиного

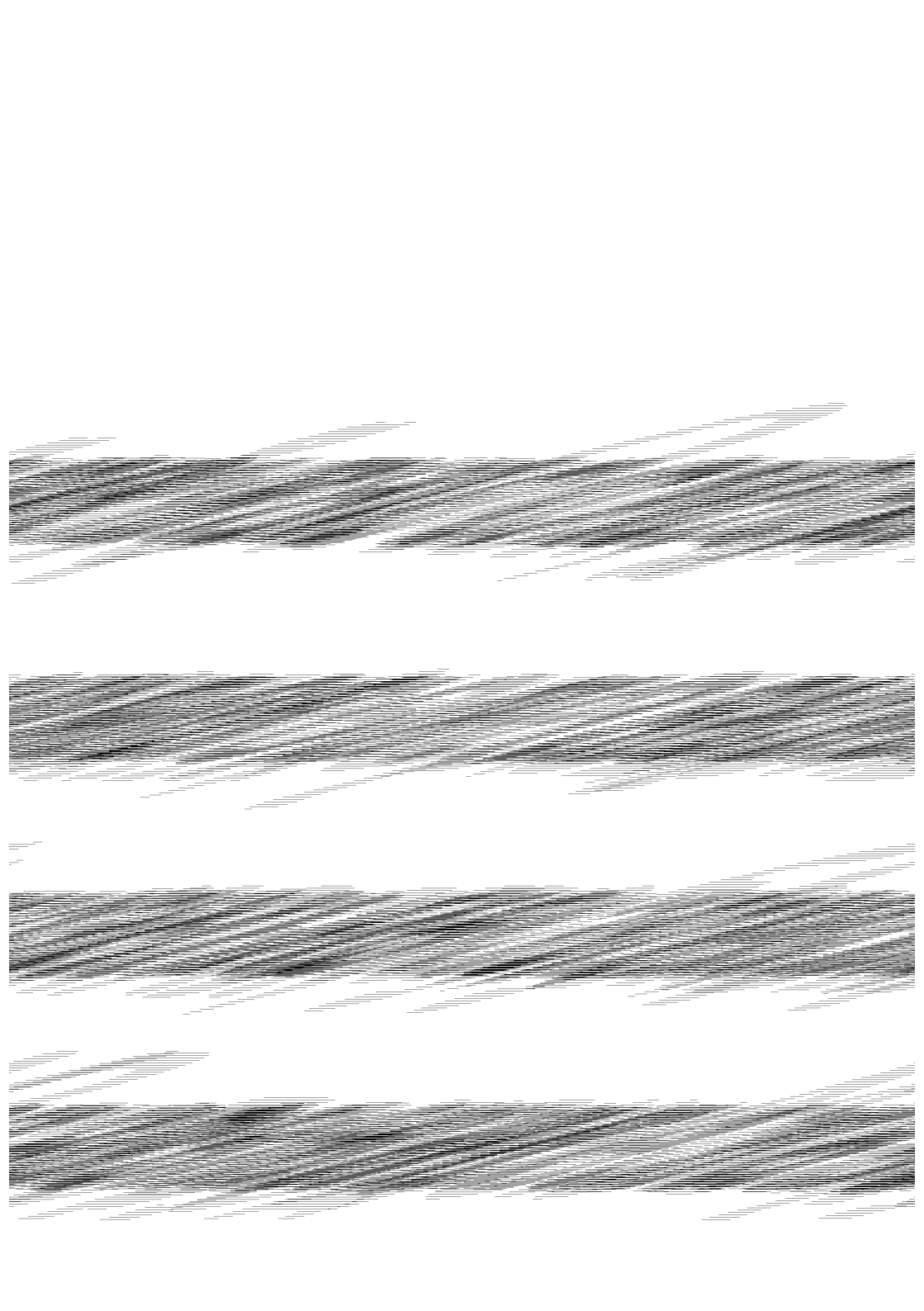
за дора.
Сел рядом с ним
на жупан — и
поехали.

3 — Ну, ну, —
залился старик,
на лошаденку
покрикивая. — Ну,
родимая. — Кнутом
ее стегал. А она только
хвостом вертела, отмахива-
лась от кнута, ровно от
овода, беспокоившего ее.

Скорее, как можно скорее,
хотелось Петьке в деревню.
Скорее повидаться с ней да за дело
взяться. А лошаденка трусила только,
еле ноги переплетала по дороге, еще

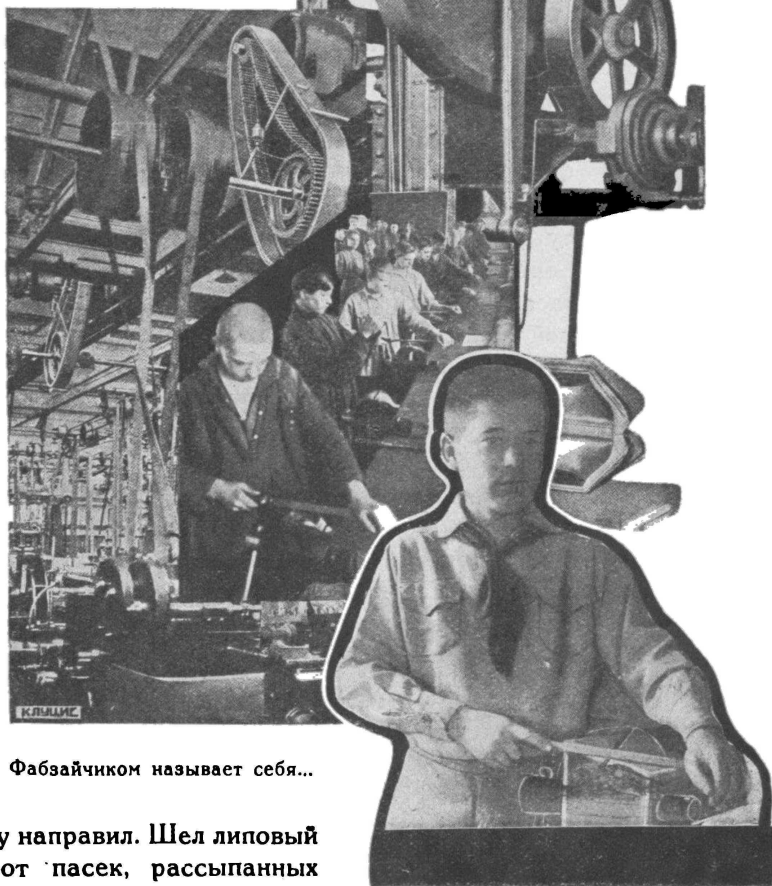
Поезд подлетел...

— Дымом тут не
пахнет, мазутом не во-
няет.

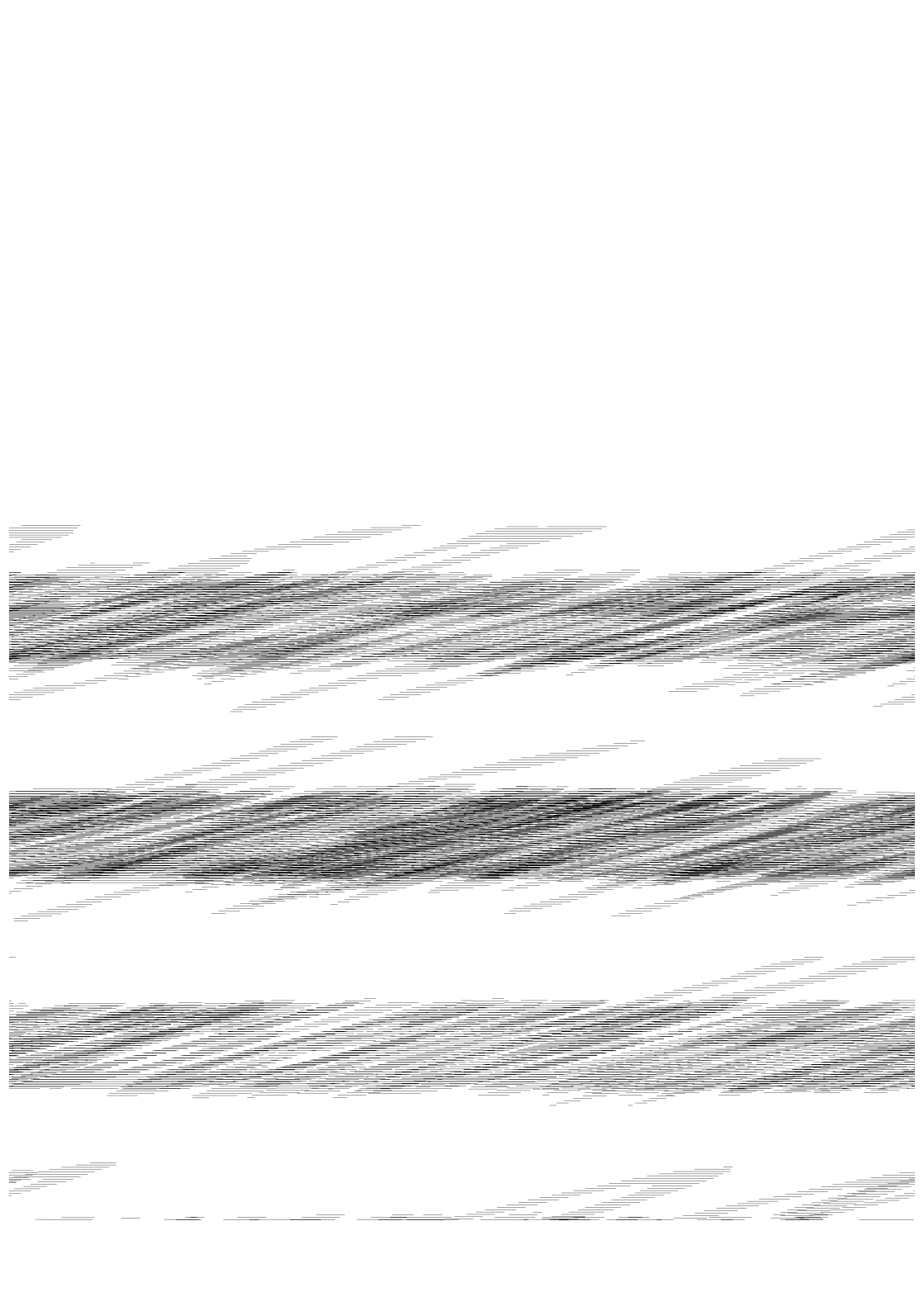
Швыркнул носом в
себя и выплюнул.

Еще затынулся ду-
хом липовым. Нос по

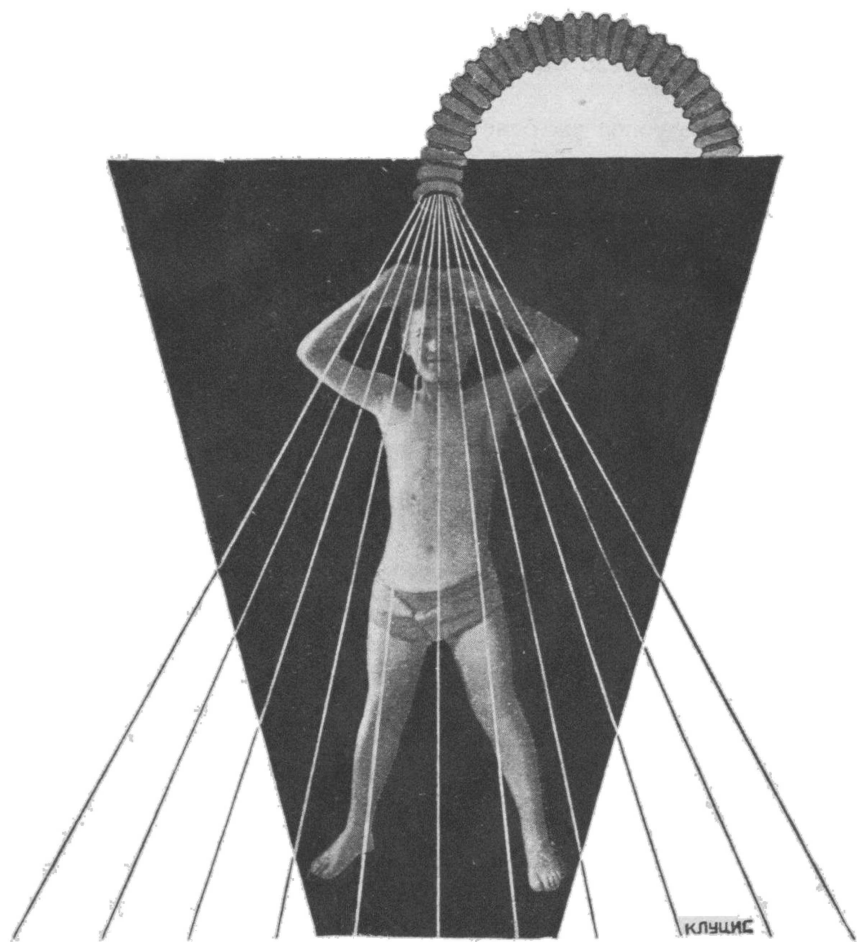
Фабзайчиком называет себя...

ветру направил. Шел липовый
дух [от пазек, рассыпанных
на крутом берегу.

— А мужики как?

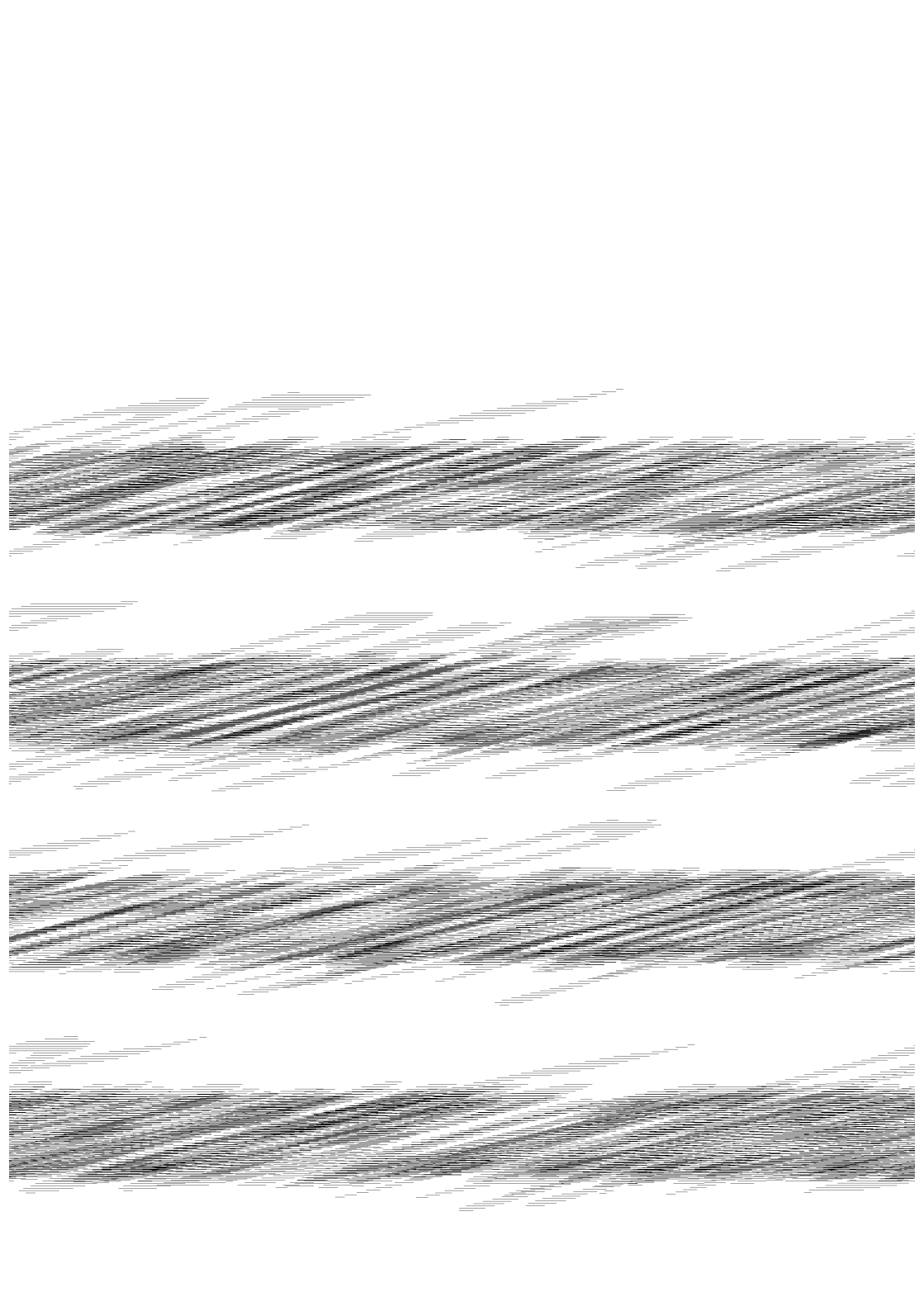
— Как мужики? Они против, но... Мельница у него. Сметет

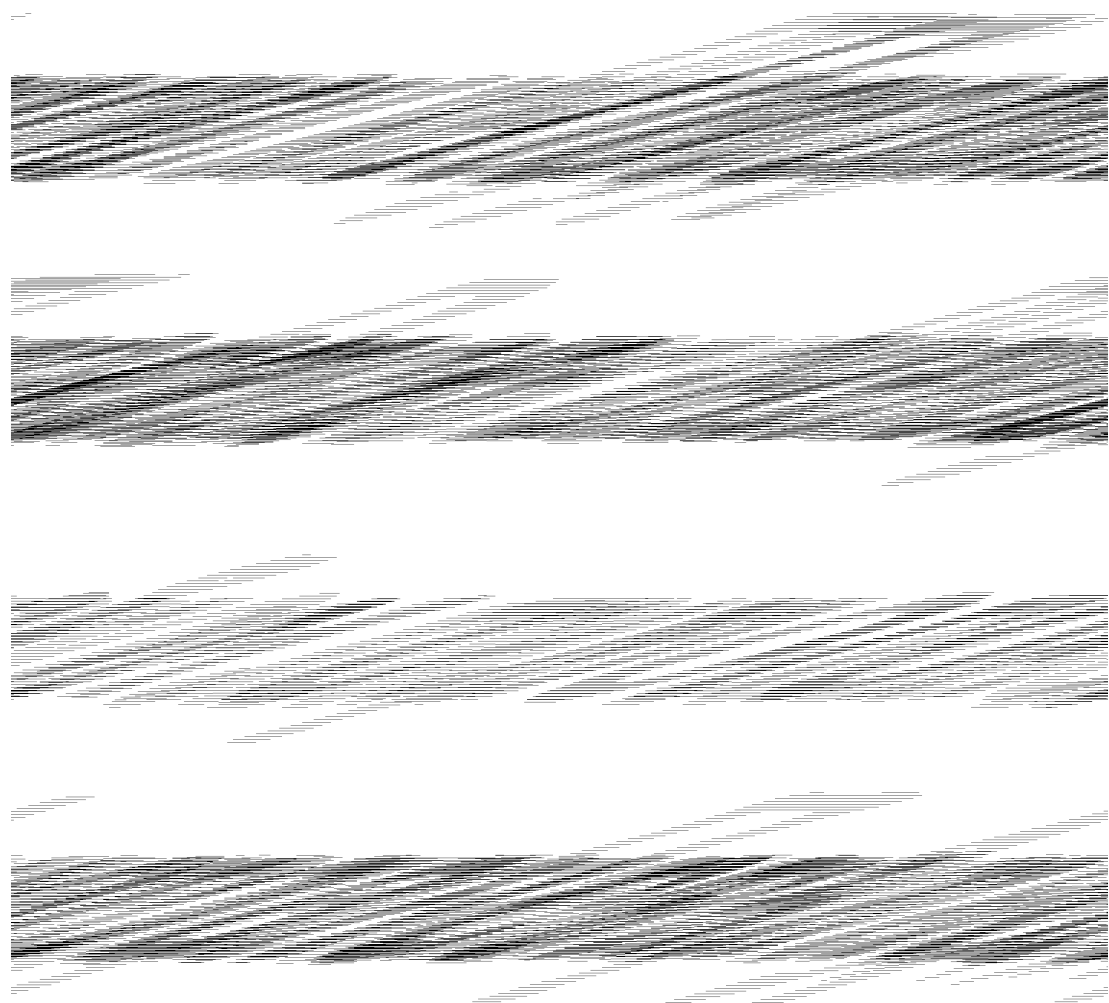

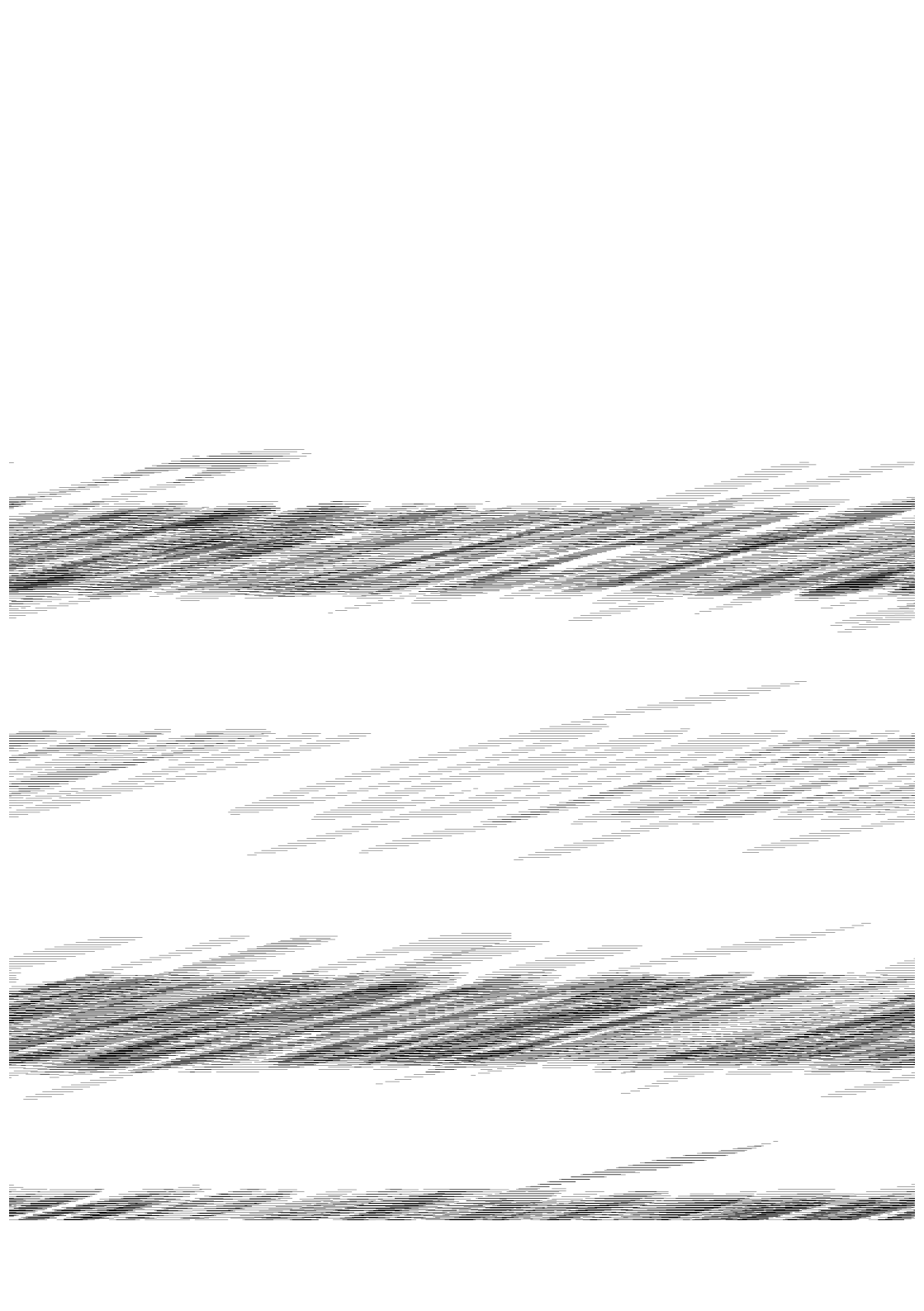
Кругом лед, а я под краном стою...

которому недовольному в первую очередь, вот и дело заглажено. Еще поблагодарит его мужик.

— А почему в общество не взяли мельницу-то?

— Я вам, шпане такой, ребра выломаю. Пожар сделаете. И на ребят направился.

— Мокей, Мокей,—закричали они.

— Удирай.

Бежать бросились.

— В лес айдате.

— Петька, айда с нами! Мы там белок камнями сшибать будем.

Петька остался на месте.

Мокей, мужик — подошел. Ось с плеча снял и оперся на нее.

— Ты што, Петька, аль приехал?

— Приехал.

— Что в Москве-то?.. На счет переворота ничего не слышать?

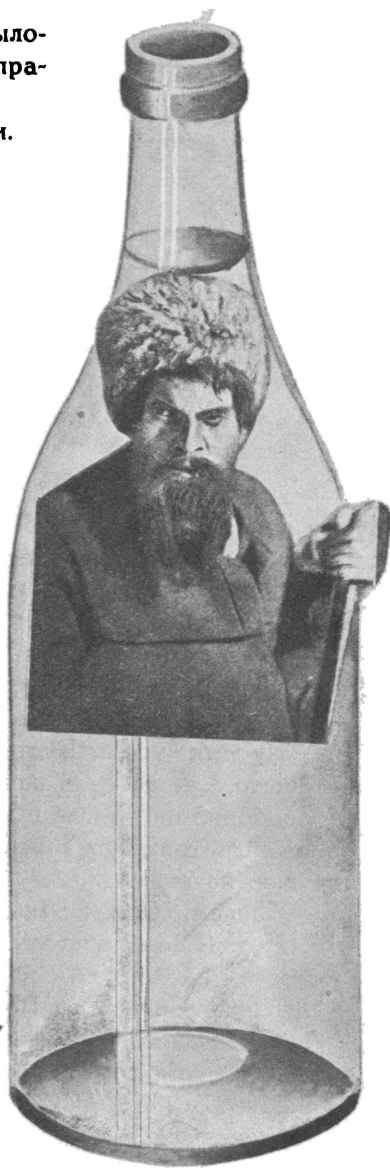
— Нет.

— А у нас говорят, что переворот будет. В Петроград будто Керенский приехал, — есеров собирать хочет.

Глаза его, окруженные ры-

КЛУЦИС

А ты самогон не пьешь? Хорош у нас самогон...

